

Геополитика Арктики

УДК [332.1+338.2+339.9](985)(045)

О преемственности северной концепции М.В. Ломоносова при выборе геополитической модели защиты экономических интересов России в Арктике

© **Залывский** Николай Павлович, профессор, доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики Института регионологии и управления, декан факультета технологии и предпринимательства ПГУ имени М.В. Ломоносова. Автор около 190 научных работ по проблемам социально-экономического развития Севера РФ, ломоносовед. Заслуженный экономист РФ (1994). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2008).

В данной статье М.В. Ломоносов рассматривается основателем северной регионологии, автором определения места и роли Арктики как стратегического фактора развития Рос-

сии. Автор доказывает целесообразность перехода к принципам геополитического поведения России, обеспечивающим защиту долговременных экономических интересов страны в этом регионе. Такой подход является выражением преемственности полярных идей первого русского академика.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Арктика, экономические интересы, геополитическая модель.

About the continuity of the northern concept of M.V. Lomonosov in selecting of geopolitical model to protect the economic interests of Russia in the Arctic

© Zalyvskiy Nikolai. Professor, Doctor of Economics, Acting Head of Department of Economy of Institute management and regionology, dean of the Faculty of Technology and Enterprise of the PSU after M.V. Lomonosov. Author of about 190 scientific papers on the socio-economic development of northern Russia. Honored Economist of the Russian Federation (1994). Awarded the Medal of the Order of Merit for the Fatherland, 2nd degree (2008).

Abstract

In this article Lomonosov is considered to be the founder of Northern Regional Studies, the person who determined the place and the role of the Arctic as the strategic factor of Russia's development. The author proves practicality of a transition towards the principles of Russia's geopolitical behavior ensuring protection of the country's long-term economic interests in this region. Such approach is an expression of the continuity of the first Russian Academician's ideas concerning the Arctic.

Key words: Lomonosov, Arctic regions, economic interests, geopolitical model.

Кристаллизация геополитических интересов современных государств уже переходит горизонт общественных ожиданий 2050-2100 годов. Соответственно, приоритетами практической деятельности мирового сообщества все больше становятся механизмы реагирования на вызовы глобальной экономики. Одним из них можно смело назвать проблему удовлетворения потребностей ожидаемой к 2050 году численности населения планеты в 9,1 млрд. человек¹. Решающими предпосылками ее успешного решения являются интенсивный переход на высокие (инновационные) технологии экономического роста, целенаправленное закрепление конкурентных преимуществ той или иной страны на мировом энергетическом рынке. Следовательно, для Российской Федерации это означает выбор политики долгосрочного развития природно-ресурсного комплекса и защиты экономического пространства Севера и Арктики – перспективного сегмента мировой экономики и финансового источника системной технологической модернизации экономики России. Одновременность актуализации этих двух задач макроуправления обусловлена ресурсным потенциалом Северо-Арктического региона РФ, особенно топливно-энергетического, который является безусловной основой мирохозяйственных связей России.

Такова смысловая оценка стратегической роли ресурсного потенциала Арктики в одной из академических работ [1]. Но именно это обстоятельство порождает у западноевропейского сообщества, обеспокоенного неизбежностью подхода человечества к остаткам скромных природных ресурсов на материке уже к 2100 году, к идентификации России сырьевым центром индустриально развитых государств. Во многих случаях подобный штамп продуцирует фокус их глобальной политики, практических действий [8, с. 71] и характер международной конкуренции восьми приполярных и множества иных стран. Так, права на Северный полюс в конце 1950-х годов XX века предъявила Канада, в 2004 – Дания, сославшаяся на связь Гренландии через подводный хребет Ломоносова с полюсом. Международный суд установил 100 лет Канаде на аргументированное доказательство права принадлежности дна Северного ледовитого океана. Одним из элитарных представителей страны НАТО была озвучена гипотеза, что Арктика может стать полем противостояния, не исключая военного. Это базовая причина входа суровой Арктики, холодного Севера на геополитическую сцену XXI века в сопровождении военизированных терминов типа «битва за Арктику», «передел Арктики».

Естественно предположить, что Россия может и должна в силу подобных тенденций глобального мышления предвосхищать геополитические проблемы своей будущей состоятельности. Для осуществления такой национальной политики, обеспечивающей несомненное присутствие России в международном потоке энергоресурсов и формирование разнокластерной инновационной экономики страны, важно сочетать опыт (уроки) прошлого и будущее место РФ в системе геополитических координат. Основы государственной политики Российской Феде-

¹ Приводится по: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 165.

рации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденные Президентом Российской Федерации 28.09.2008, – это архиважный индикатор поворота России к осуществлению программы стратегического освоения и использования Арктики в интересах упрочения геоэкономических позиций страны в этом субрегионе.

Только сейчас мы можем утверждать о мировоззренческой обусловленности современной геополитики России с историческими корнями северной регионологии. Ее научным истоком мы рассматриваем работу первого русского академика М.В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [4, с. 417-498, 602-615]. Эту работу, посвященную поиску маршрута движения морских судов, надо воспринимать научным документом эпохи, ибо она содержит и различные суждения по направлениям и методам изучения и освоения северной природы в контексте одной ядерной мысли помора, а именно: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»². Так Ломоносов обозначил концептуальное положение-формулу государственного отношения к Северу и Арктике. Ее можно назвать символом его футурологического представления о влиянии северных (арктических) просторов на геополитическое положение России в далеком будущем. Ломоносов в этом предвосхищении опередил не только свое время, но и позиции многих россиян XXI века, которым нанозэкономика (экономика личного выживания или обогащения) затмила взгляд на стратегическое значение северного пространства для России.

Суждения с такой логикой характерны и для других «арктических» работ М.В. Ломоносова: «Письмо о северном ходе в Ост-Индию Сибирским океаном», «О слоях земных», «Рассуждение о большей точности морского пути», «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях». В совокупном содержании вышеназванных работ сконцентрированы взгляды ученого на экономическую роль практически не освоенных до сих пор холодных пространств Арктики и Севера России, демонстрируется всестороннее знание их природного потенциала, приводится доказательная база того, как *отношение к Арктике может быть индикатором исторического (технологического и социального) прогресса русской цивилизации*. Во всяком случае, в дальнейшем исхожу из этой гипотезы, в том числе при анализе причин утраты основной оси северной региональной политики и геополитики российского государства, из-за чего актуализировались старые проблемы управления северными регионами страны и появились неприятные для Российской Федерации международные коллизии [5, с. 223].

История арктического любопытства россиян началась не с М.В. Ломоносова, но он первым заговорил о ресурсах Севера и Сибири. Предвосхищение Ледовитого океана и Сибири в качестве важнейшего фактора роста экономического могущества государства российского, зависимости мировой державности России от обладания северными пространствами отношу к

² Полностью цитата звучит так: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» (1763). – Примечание редакции.

научному открытию фундаментальной ценности независимо от времени и полноты научного осознания такой взаимообусловленности, настоящего и будущего страны от экономико-географического преимущества, суверенного обладания частью циркумполярного пространства земли. Современникам важно то, что он расценил владение полярным пространством стратегической предпосылкой будущего экономики России, а распространение российского могущества на восток – посредством открытия северного морского пути и при его сочетании с сухим путем до берегов Тихого океана назвал необходимым условием ее позиционирования в качестве великой экономической державы мира [4, с. 494].

Однако современная историческая реальность подсказывает, что уже недостаточно одного осознания исторически фундаментальной новизны взгляда на Арктику и освоения корабельного мореплавания по Северному Ледовитому океану, предложенного помором. Спутники жизни М.В. Ломоносова не могли пересечь арктическое пространство на самом доступном для своей эпохи транспорте – телеге. Тем более психологически ощутить его как важный экономический ресурс мира. Поэтому недооценка эксклюзивности идеи хозяйственного освоения северных земель и пользы Северного океана для своего Отечества еще была отражением качества общественного бытия. Ныне это неприемлемый атрибут для наших политико-экономических представлений о северных пространствах, научного знания и прогнозной оценки роли евроазиатской части материка севернее Полярного круга, морей и островов Северного Ледовитого океана вплоть до Северного полюса, ибо *полноправное владение ими – исторический фактор многовекового устойчивого социально-экономического развития России*. Правда при следовании ясно обозначенному М.В. Ломоносовым правилу России надлежит ревновать об опережающей активности на своем северном фасаде, не опаздывать по сравнению с другими странами с практическими действиями в этом регионе. Лучше быть первыми в поиске вариантов присутствия в Арктике, как это было с использованием доступного способа исследования Арктики – дрейфующих полярных станций по предложению В. Визе (1929) и апробированного практикой 38 полярных экспедиций, чем собирать на льду отходы присутствия чужих караванов. Для этого важно совершенствование принципов геополитики в этом регионе. Мы не оставались в стороне от решения этой задачи [7, с. 107-122]. Еще ранее подробно осветили их, поэтому здесь приводим лаконично формализованный их перечень:

- a) сохранение ранее суверенизированного границами арктического сектора России (СССР), 1926 г.;
- b) пионерный характер российских инициатив и практических действий на всех направлениях арктической геополитики;
- c) российский менеджмент Северным морским путем;
- d) защита внешних границ морского шельфа Северного Ледовитого океана;
- e) закрепление национальных приоритетов в Арктике международными соглашениями, по проблемным аспектам полярных интересов страны – в первоочередном порядке федеральными законами;

- f) реальное присутствие в местах демонстрации национальных интересов, конкретность и последовательность действий по исторической экспансии России в циркумполярном пространстве;
- g) разумное сочетание международного консенсуса и двухсторонних взаимоприемлемых договоренностей по защите интересов на Севере;
- h) разрешение разногласий между странами в режиме доминирования стратегических целей, усиления международной роли РФ в институализации правил использования арктического пространства и поведения в Арктике;
- i) поиск компромиссов при выработке механизма взаимодействия в Арктике и способов защиты геоэкономических и военно-стратегических интересов РФ;
- j) непрерывное подтверждение арктических достижений, исторического опыта арктического присутствия России как интегральной части оптимальной геополитики государства, имеющего северную границу.

Наличие и известность правил российской стратегии в Арктике – это добротная преграда на желании (попытках) некоторых наших соседей (а зачастую и не являющихся ими) закрыть для нас дверь для безупречного входа в этот арктический дом. Есть ли показания для потери ключа от этого дома? Какова подоплека борьбы за этот ключ? Она в ранее допущенных Россией сомнениях относительно воспроизводства исторически приобретенных арктических преимуществ и недооценки места и роли Арктики. Она в наличии в мире ситуации, где «немало «политтехнологов» готово «показать ей ее место»³ в случае попадания России в сложную ситуацию, поэтому любое политическое запаздывание с позиционированием российских интересов без предвидения цепочки нежелательных увязок может усложнять ее статус. Неким выражением этого можно считать Соглашение СССР и США о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 года, обусловленное параметрами Договора 1867 года об уступке Аляски о точках линии разграничения владений двух стран в Беринговом море, из-за чего окончательно современная Россия может потерять 70 % его акватории.

Совокупность притязаний других государств на ресурсы и пространство данного субрегиона земного шара необходимо рассматривать глобализационным вызовом России. На него необходимо найти адекватный ответ без исключения вероятности того, что прагматичным принципом битвы за будущее Арктики может быть выход за рамки международного права. Ведь не секрет, что часть спорных территорий (например, по рыбоохранной территории и шельфу вокруг Шпицбергена) оформлена Норвегией односторонними актами, соблюдение которых она требует от других участников хозяйственной деятельности в Арктике. *Иллюзорно предполагать, что иные страны будут толерантны к российским интересам без демонстрации этих интересов самой Россией.* Вовсе не политической оговоркой полезно воспринимать недавнее заявление элитарного представителя администрации США об Арктике, где возможна военная конфронтация. Надо исходить из того, что будущий ритм Арктики – это не мир белого безмолвия, это место геополитических «танцев» основных мировых игроков, колыбель

³ Газ на вдохе, нефть – на выдохе // Российская газета. – 2009. – 23 января. – С. 5.

конфронтации их интересов и индикатор умения вести человечество по азимуту устойчивого многополярного международного сообщества.

Политический алгоритм опережающей активности в этом регионе России следует поддерживать, прежде всего, в Арктическом совете – международном институте координации интересов полярных государств по международно-правовой институализации границ северных полярных владений РФ, первоначально установленных постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года. Это кардинальная проблема легитимного присутствия РФ в пространстве ее исторических приобретений. Надо твердо исходить из тезиса, что Время принятия решений – это феномен исторического процесса, неизбежно измеряющий будущие исторические последствия геополитического поведения действующего поколения федеральной власти. Наверное, уже достаточно того, что ратификацией в 1997 году Конвенции ООН по морскому праву Россия поставила под сомнение свое суверенное право на 1,7 млн. км² из 5,8 млн. км² полярных владений в Арктике, а также, по мнению одного исследователя, наметила штрих к потере исторического приоритета в освоении арктического пространства [6, с. 160].

К сожалению, это не единственный момент нивелирования исторических приобретений. Надо исключать подобные коллизии, тогда история не скатит Россию с полярной вершины научных и хозяйственных успехов. Для этого необходимо ясное политическое предвидение возможных исторических осложнений принимаемых ныне решений, которые можно видеть только при проектном горизонте мышления в 2–3 века будущей динамики истории человечества. *Геополитическая хватка за уникальный природный потенциал Северного Ледовитого океана, его подводные богатства, несопоставимые с запасами природных ресурсов других мировых океанов, неизбежна.* Соответственно, государства стоят перед исторической необходимостью самоопределиться с практической стратегией поведения в этом субрегионе. России, как минимум, важно мониторить за тенденциями изменения стратегических подходов стран и международных организаций к определению статуса Арктики, причин актуализации их интереса к ней. Только это гарантирует будущую геополитическую устойчивость Российского государства в Арктике. Россию не должно успокаивать прогнозное определение Министерства энергетики США, что 43 из 61 крупного нефтяного и газового месторождения в Арктике находятся на российской стороне Арктики⁴, тем более что придется все равно искать хозяйственно-политический компромисс из-за доминирования в нашей части природного газа, а на североамериканской стороне – нефти. Обязан подчеркнуть одно: кто сейчас лучше увидит возможные проблемы энергообеспечения человечества на будущие сто лет, тот окажется первым, кто овладеет Арктикой на тысячу лет.

Насколько тревожно промедление с российским позиционированием? Посмотрим объективно на формирующийся концептуальный тренд геополитики. Наши соседи по арктическому дому – норвежцы, англичане, американцы, канадцы, датчане, японцы, а также международные организации (Евросоюз, НАТО) – давно обозначили свой спектр экономико-географических

⁴ URL: <http://www.arcticway.ru/index.php?id=144> (дата обращения 24 февраля 2011).

«поправок» режима пользования Арктикой. Они нередко противоречат традиционным российским интересам в этом регионе. В частности, Дания продолжением Гренландии считает хребты Гаккеля и Ломоносова, Канада притязает на хребет Менделеева как на часть своей шельфовой зоны, на контроль Северо-Западного прохода морских транспортов вдоль побережья Канады. Они демонстрируют себя активными арктическими игроками, заявляя суверенные права на пространства Крайнего Севера. Более того, Канада и США – партнеры по формированию единого политического подхода, стратегии совместного противостояния российскому «захвату» Арктики. Отдельные государства склонны к варианту демонстрации силы, ибо «если такие демонстрации силы будут убедительными, другие государства, оказавшиеся в невыгодном положении вследствие своей удаленности от Арктики, будут вынуждены согласиться на расширение суверенитета этих стран»⁵.

Подобная мотивация геополитических решений не удивительна, так как политика конкуренции за ресурсы логично обуславливает приоритеты историко-экономического внимания государств к циркумполярному пространству. Оно касается уже интереса к модернизации условий функционирования Северного морского пути. Напомню, что М.В. Ломоносов доказал возможность корабельной перевозки российских товаров в Индию и Китай Сибирским океаном по обе стороны от Северного полюса. Он обосновал место и роль северо-восточного арктического маршрута как звена арктической доктрины Российской империи, инструмента развития взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами, комплексной хозяйственной колонизации северных территорий империи. Ещё в XVIII веке он говорил о возможных правилах заселения необжитых пространств, заботился о будущем величии государства российского. Северный ход в Индию и Китай для Ломоносова – *стратегическое средство утверждения суверенитета империи (России) над обширными пространствами Севера*, поэтому надо ли жалеть около «ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государственной славы» [4, с. 602-615].

Первичное доказательство целесообразности осуществления крупных проектов закономерно вело к обоснованию строительства новых портов, промышленных предприятий, которые бы преобразовали северную морскую границу в край оживленной хозяйственной деятельности. Так им намечалась перспектива создания отечественной морской экономики, превращения России в морскую державу. Набором этих предложений, особенно при принятии их в качестве долгосрочного целевого приоритета, институтировалась первостратегия движения России к политическому статусу державы, способной управлять транспортными коммуникациями в интересах многих европейских государств.

Такое обоснование транспортной коммуникации – свидетельство того, что М.В. Ломоносов видел системные предпосылки для формирования в далеком будущем экономики России, ориентированной на экспорт промышленных товаров. В этом подходе мы видим прозорли-

⁵ Володин Д.А. Правительство С. Харпера и защита интересов Канады в Арктике // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2008. – № 12. – С. 45.

вое осознание М.В. Ломоносовым важности трансарктического межконтинентального моста для экономики России и ее места в мире. Такая теоретическая новация М.В. Ломоносова, когда сама идея опережала технологические возможности России на 200 лет, – бесспорный признак его государственного (державного) мышления, масштабности академических знаний и долгосрочного предвидения будущих потребностей экономического развития России.

Отрицание этой оценки – синоним отставания интеллекта историка той или иной науки от динамики появления и развития новых представлений о мире. Умаление достоинств того, кого не понимаешь, – признак вульгарной ментальности рафинированного русского интеллигента и самодовлеющей власти, которые не видят темных точек собственного недомыслия, тормозящих творческую инициативу современных граждан. Они забывают о том, что критику без критичной рефлексии предшествующих идей, а тем более с позиции знания последующих веков, можно уподобить массовой игрушке, которую никто не назовет инновационным фактором воспитания ребенка. Нечто подобное имеет место и в интерпретации мыслей М.В. Ломоносова, отстоящих от нас почти на три века, что является ничем иным как историческим недомыслием российской науки по отношению к мировоззренческому стремлению М.В. Ломоносова «дать нечто лучшее».

Обозначенная совокупность позиций помора по широкому использованию арктических морей для налаживания внешней торговли и формирования международного статуса России определяет контур его политэкономического и социально-экономического мировоззрения как глобального экономиста. Его размышления о северном корабельном ходе могут и должны повышать принципиальность научных подходов и практических действий по определению режима хозяйственной деятельности страны в Арктике и функционирования арктического варианта евразийского транзита. Такую задачу обостряет беспокойное начало XXI века, которое не уменьшило беспокойство за проблему национального суверенитета России за эту коммуникацию, воспроизводит пессимизм типа, что «северному пути не скоро еще светит изменение климата на более благоприятный»⁶. Это следствие кризисного состояния данной каботажной и экспортно-импортной коммуникации России в 1991–2003 годы. В частности, в 2000 году объем перевезенных грузов по этой трассе составлял всего 25 % среднегодовых объемов советских арктических перевозок второй половины 80-х годов XX века [2, с. 167]. К тому же качество реальной региональной северной политики России все еще остается недостаточным, так как не изжиты системные причины ухудшения качества человеческого потенциала, снижения привлекательности задач по освоению и развитию Арктики для квалифицированных соотечественников [9, с. 132].

Дискуссия по статусу этой арктической трассы – проблемное поле российского диалога с миром. Ее, вероятно, подогревает, предположение о том, что мировые элитарные дирижеры формируют для России свой сценарий управления циркумполярным пространством. На наш взгляд, подобное информационное поле создается сознательно ассиметрично в целях эрозии

⁶ Северный морской путь: развитие на точке замерзания // Экономика и жизнь. – 2000. – № 45. – С. 30

уверенности арктического поведения России. Ведь нет такой апелляции к канадским подтверждениям права регулировать судоходство по всему Северо-Западному проходу (вдоль канадского побережья в пределах своего сектора). И в тоже время надо понимать, что при *определенных условиях* правовой статус Северного морского пути может измениться с подрывом российского суверенитета, ибо выходом за пределы 12-мильного территориального моря открывается режим открытого моря для прохода судов. Соответственно, Россия должна будет обеспечивать безопасный проход иностранных судов через Арктику, непосредственно примыкающей к евразийскому материку, и тем самым удовлетворить 40-летний стратегический аппетит США. Мы не против того, чтобы Севморпуть был международным транспортным коридором, но это не отменяет важности сохранения незыблемости российской юрисдикции над ним, зафиксированной в федеральном законе о территориальном море России, как не отменяет финансовой выгоды согласованного режима использования трассы международными перевозчиками генеральных грузов в мере, не размывающей систему российского регулирования хозяйственной деятельности в этом субрегионе мира. Целесообразность кооперации финансовых ресурсов международного сообщества и национального капитала полезна для активной модернизации Северного морского пути.

Мы вынуждены затронуть и другой геополитический аспект определения международного статуса Арктики, вариантов интерпретации современных реалий, порождающих у великороссов сомнение в намерениях других субъектов геополитики относительно будущего арктического Севера России. Общеизвестно, что современное международное общественное мнение (право) связывает юрисдикцию на острова и архипелаги арктической зоны с наличием постоянного населения, с осуществлением хозяйственной деятельности. Если этого нет, то на подобные территории может претендовать другое государство. Трансляция подобного настроения безошибочно символизирует геополитическое желание лидирующих экономик, пока на уровне политической идеи, изменить соотношение сил в этом субрегионе мира за счет перехода к многополярному менеджменту национальными интересами России в Арктике. К сожалению, Россия не замечает в арктической геополитике отдельных стран тенденции к наднациональным моделям контроля за циркумполярным потенциалом. Свою лепту в это внесла российская плутократия с программой отказа России от сложившейся геополитической роли [3, с. 26].

На наш взгляд, торможение прихода России в ВТО, двойственность позиций стран ЕС в газовых конфликтах с Украиной, недостаточные объемы иностранных вложений в высокотехнологичные производства, и, наконец, квалификация энергетического могущества как рычага давления в отношениях с США, Китаем, Японией и ЕС – это тоже косвенные признаки попыток укрепления в России ресурсодобывающего комплекса [10, с. 155]. Одновременно это и способ нивелирования ее активности как участника процесса проектирования геополитической доктрины управления природным потенциалом, находящимся на дне арктических морей за пределами ее экономической зоны.

Надежду на то, что геополитические перспективы России в этом регионе не будут закрыты историческими тупиками национального беспамятства, питаю в северной (арктической) стратегии Михаила Васильевича Ломоносова. Ее морально-психологическую силу пора понять и применять без оглядки на внешнюю реакцию. Это подтвердит наше соответствие доверительной надежде М.В. Ломоносова на одобрительную оценку будущими поколениями его видения Арктики в качестве геополитического пространства и места состязания ведущих экономик мира за стратегические преимущества. Тогда Россия, будучи ответственной за историческую преемственность мыслей славных сынов Отечества, быстрее найдет оптимальную модель долговременной защиты прав на российскую часть циркумполярного мира. Ответ должен быть своевременным и эффективным. Первое условие Россия, как показано выше, не выполняла, поэтому надо безотлагательно осуществлять организационно-правовое закрепление национальных интересов и позиций России в Арктике, динамично институционализировать внешнюю границу морского шельфа Северного Ледовитого океана.

Какая философия поведения отвечала бы этому подходу? Ядром стратегии, на наш взгляд, должен быть пионерный характер российских инициатив и практических действий по закреплению национальных приоритетов в Арктике нормами международного права и федеральным законодательством по проблемным аспектам суверенизации полярных интересов. Во-первых, международно-правовое закрепление арктического сектора России (СССР), границы которого известны миру с 1926 года. Во-вторых, непрерывное формирование организационно-правовых ограничений для деятельности других государств, в первую очередь неарктических, по использованию арктического пространства, которые после принятия Конвенции ООН по морскому праву квалифицируются соответствующими государствами как потенциально не российские. В-третьих, закрепление всякой уступки России в спорных зонах, где она уже фатально неизбежна посредством оформления бессрочного права на компенсацию экономических потерь и включение бессрочного права вето на военное присутствие других государств в любой форме. В-четвертых, нужны опережающие действия по суверенизации морского дна Северного ледовитого океана, нивелированию претензий иных государств на шельфовые пространства. Для неизбежного примирения других стран с динамикой российских интересов нужна уже сейчас политическая дальнорзоркость, четко выверенные алгоритмы по проектированию геополитических реалий будущего. Отрадно, что приверженность этому геополитическому критерию демонстрирует работа научно-исследовательского судна, организация новой полярной ледовой станции «Северный полюс-38» в 2010 году. Россия, почувствовав активизацию в северных и восточных морях иностранцев, кажется «проснулась» и начала экстренно столбить ключевые участки в море. Однако уже «надо не только столбить, но и добывать: некоторые месторождения лежат в приграничных зонах, и велика вероятность, что более расторопные соседи «выпьют» общие запасы месторождения, раньше начав добычу со своего края»⁷. Отрадно, что норвежско-российские проблемы по разделу морской акватории Баренцева моря решены после десяти-

⁷ Омарова Е., Петров С. Армагеддон. Американский дебют // Вокруг света. – 2010. – № 7. – С. 82.

летий переговоров в 2010 году. Это индикатор выпрямления арктического авторитета России. Впрочем, россиянам может казаться наивно проблематичным норвежское самоопределение в качестве великой арктической державы.

Не менее назрело инициирование прибрежных государств к активному формированию и осуществлению геополитического подхода к Арктике как особой территории планеты Земля. Во-первых, частью такого подхода может быть нейтральный статус территории для военной деятельности всех иных государств, не имеющих непосредственной морской границы с арктическими морями. Во-вторых, условия входа неарктических государств на территорию за пределами экономической зоны арктических государств для хозяйственной деятельности следует объявить объектом субсидарного регулирования арктических стран.

Арктика никогда не жаловала слабость духа тех, кто осваивал ее жесткое тело. Императивы стратегического государственного поведения современной России – это непрерывная хозяйственная и военная деятельность, прогнозирование геополитической роли Российской Федерации в Арктике на обозримых этапах развития, непрременная поддержка общественных инициатив северных народов России, формирующих образ Арктики как дома малых народов. Отрадно, что РФ повышает свою активность в этой части мира, расширяя международно-правовые предпосылки для позиционирования суверенных прав. Так, с июля по октябрь 2010 года научно-экспедиционное судно «Академик Федоров» провело уникальные исследования и эксперименты в Северном Ледовитом океане силами ведомств федерального и регионального уровня в интересах обоснования шельфовых границ нашей державы, в т.ч. по определению ключевых параметров рельефа Северного Ледовитого океана, хребтов Ломоносова и Менделеева.

Решительное пресечение (торпедирование) слов и действий отдельных государств по ограничению юрисдикции Российской Федерации на циркумполярное пространство есть выражение и подтверждение незыблемости права России на военно-геополитическую безопасность, на защиту долговременных стратегических, экономических позиций в этом субрегионе мира. Но при этом Россия должна всегда выбираться из лабиринтов геополитического состязания за арктические ресурсы и манипулирования военно-стратегическим значением арктического пространства без потери международной репутации. За шесть веков хозяйственного освоения территории вдоль материкового евроазиатского полярного круга современной России отдана неимоверно трудная цена. Ей надо уверенно владеть этой территорией еще не менее тысячелетия, поэтому упрочение арктического самоощущения русского народа требует возвести северную регионологию как науку в XXI веке на высокий пьедестал стратегических инициатив России. Тогда каждый субъект федерального, регионального и корпоративного управления увидит историко-экономическое значение успешной деятельности в Арктике, субарктике и на шельфе Северного Ледовитого океана для геополитического будущего страны. *Север нуждается в стратегии государственного управления, предвосхищающей новые проблемы его развития.* Для этого пора перестать без конца генерировать различные концепции его развития, а вместо этого раз и навсегда научиться одну выработанную концеп-

цию корректировать с учетом изменяющихся условий. Как минимум, необходим паритет двух векторов деятельности субъектов федерально-регионального влияния на экономику северных регионов. Надо содействовать не только увеличению вклада северных регионов в производство ВВП РФ, необходимо возвращать арктическим регионам финансовые ресурсы для комплексного социального развития территории и срочного выхода субъектов Севера РФ к индикаторам социально-экономического благополучия местного населения. *Передовой регион – это не территория с крупными месторождениями, это население с высоким социокультурным потенциалом, сублимирующим ценности современного мира.*

Время работает на историю российского государства тогда, когда оно уважает идеи славных сынов, призывающих везде и всегда заботиться о приращении пользы своему Отечеству. Эпизодическое оперирование ценными рассуждениями Ломоносова о студенном океане и северном ходе должно оставаться позади. Вопрос лишь в нас. Готовы ли мы быть преемниками его модели освоения северных и арктических просторов? В какой мере мы способны использовать арктическую карту для уверенного возвращения России в число экономических держав мира с долей мирового ВВП не менее 10 %? Лишь при реалистичной траектории макроэкономической деятельности реализуется надежда М.В. Ломоносова, что «народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных... не токмо расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул».

XXI век поможет убедиться в этом в силу объективного стремления России войти к 2025–2030 годам в число пяти экономических супердержав. По моему убеждению, решению данной задачи неизбежно содействует диагностика корней экономической мысли России. Наша экономическая ментальность берет начало в самобытности экономических воззрений предшествующих ученых и практиков. Северная миссия Ломоносова – тоже часть интеллектуального научного знания XVIII века. Тем оно и ценно. Следовательно, для нас М.В. Ломоносов не фигура далекого прошлого, а значимый источник знания о путях построения эффективно функционирующей экономики страны. Нам суждено помнить об этом наследии и использовать его в целях единения современной науки и практики. Нравственный потенциал человека-гражданина, ориентированного на ломоносовскую идеологию нашего присутствия в Арктике и на Севере России, на его модель использования экономических возможностей Арктического региона должен мостить исторически удачную стратегию закрепления российского флага на Севере, в Арктике. Тогда мы докажем духовное родство с М.В. Ломоносовым. Он, по мнению его современника А.Л. Шлецера, «мог сделать честь всему северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты»⁸. В противном случае в арктическом доме появятся соседи с желанием закрыть для нас дверь для безупречного входа в этот дом.

Путей достойного нивелирования арктического синдрома международного сообщества не много. Во-первых, реальное присутствие там, где необходимо, где можно и где могут находиться подснежники потенциальных конфликтов. Чтобы они не расцвели в будущем бедой,

⁸ Цит. по: Михайло Ломоносов. Открытия и судьбы. – М.: Современник, 1989. – С. 86.

лучше уже сегодня накрыть их куском холодного льда, положенным русской рукой. Север живет там, где живут интересные люди. Во-вторых, демонстрация миру исторической обоснованности и конкретности стратегической экспансии России по арктическому шельфу в зоне национальных интересов. В-третьих, нахождение исторических компромиссов при защите геэкономических интересов на всех фазах взаимодействия с мировым сообществом на основе выработки правил взаимодействия в Арктике, подтверждающим многообразие оригинальных идей российской цивилизации, наследуемых новыми поколениями россиян. Тогда геополитическая мудрость акторов современной государственной арктической политики окажется историческим подтверждением устойчивости российской государственности в Арктике. Россия на Севере будет до тех пор, пока есть граждане с непрерывным взглядом к Полярной звезде как вечно светящему компасу преемственности общественного «арктического» сознания, заложенного первым русским академиком М.В. Ломоносовым.

Литература

1. Гранберг И.С., Лаверов Н.П., Додин Д.А. и др. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии). – СПб: Наука, 2000.
2. Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней / Материалы междунар. науч. конф., посвященной 295-летию со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2006.
3. Крухмалев А.Е. Плутократия как феномен трансформирующейся России // СОЦИС. – 2010. – №2. – С. 20-29.
4. Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С.417-498, 602-615.
5. Ломоносовский образовательный проект: материалы междунар. науч.-практич. конф. (Архангельск, 8-11 сентября 2009 г.). – Архангельск, 2009.
6. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики: монография. – Архангельск: С(А)ФУ, 2010.
7. М.В. Ломоносов и проблемы развития современного русского общества: монография / научный редактор Н.П. Зальковский. – Архангельск, 2009.
8. Соколенко В. Становление системы глобального управления // Обозреватель. – 1999. – №4. – С. 71.
9. Торопушина Е.Е. Социальная инфраструктура арктических регионов // ЭКО. – 2009. – № 8. – С. 132.
10. Россия: энергетическое оружие? // Реферативный журнал. – 2009. Серия 2. Экономика. – № 3. – С. 155.

Рецензент – Шубин С.И.,
доктор исторических наук, профессор